И 323/187

Шкафъ 21.
Полка 5.
№ 59.
БИБЛІОТЕКА НОВО-МИХАЙЛОВСКАГО ДВОРЦА.

ЭБ

Кп
3088

И 323/187

ГРОБНИЦА

НИКОЛАЯ I.

Пріѣзжаго сюда, я Русскимъ не считаю:
Коль въ часъ молитвенный утра,
Предъ Спасомъ не падетъ онъ въ Домикѣ Петра
И не поклонится въ Соборѣ **Николаю.**
Не бьется сердце въ томъ, и онъ не понялъ жизни,
Которая Руси Великими дана,
Чужда душѣ его родимая страна,
Нѣтъ, нѣтъ! не Русскій тотъ, не любитъ онъ отчизны!

БЛЮСТИТЕЛЮ ГРОБНИЦЫ

НЕЗАБВЕННАГО,

ЕГО ВЫСОКОПРЕВОСХОДИТЕЛЬСТВУ

КАРЛУ ЕГОРОВИЧУ

МАНДЕРШТЕРНУ.

Ежедневное посѣщеніе Вами священной для насъ гробницы сближая насъ въ мои сюда пріѣзды, доставило мнѣ честь пріобрѣсти лестное для меня знакомство съ Вами. Ваши раны являютъ качества боевой, а просвѣщенный умъ извѣстно ученой службы Вашей, воздаваемое же чествованіе Незабвенному, горячія чувства приверженности.

По этому я читалъ Вамъ сіи строки, начертанныя, въ простотѣ души къ спутницѣ моей жизни, видѣлъ Ваши глаза влажными и посвящаю Вамъ для немногихъ напечатанное.

15640-45

Изъ письма въ Москву.

—

Тебѣ одной, единственному другу моему, я прочиталъ излитый на бумагу отпечатокъ чувствъ моихъ въ 1850 году. Ты, строгій ценсоръ вкуса, сочувствовала невыражаемому слабыми стихами и по твоему одобренію они записаны въ книжку не многихъ тобою пропущенныхъ. Они, какъ ты знаешь, излились по полученіи мною тогда увольненія отъ службы и на замѣчанія многихъ, что у насъ въ домѣ вездѣ встрѣчается Его портретъ. Припоминаю ихъ тебѣ:

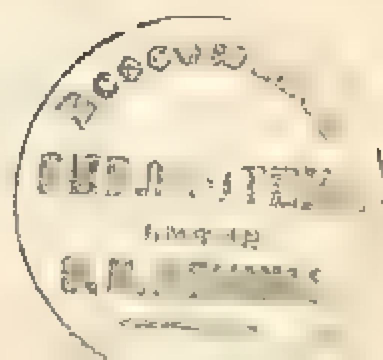
Святыя чувства намъ даны уже въ крови
Къ родителямъ, къ дѣтямъ; но въ жизни
Еще святое есть и сильное любви

И столько же святой и — то-жъ безъ укоризны.
Къ кому-же? О, къ Нему!... Кто свѣтъ наполнилъ слухомъ,
Кто любитъ родину, не болѣе ль чѣмъ мы?
Высокъ душой Онъ, крѣпокъ духомъ,
Предъ Нимъ смиряются Властителей умы,
И сильное Его предъ свѣтомъ твердо слово,
Зане что скажетъ, то творитъ;
И сердце каждаго готово:
То выполнить, что говоритъ.
Онъ вспыльчивъ (есть молва) на мигъ коль видитъ гнилость
Неблагодарныя, нечистыя души,
Несытости отъ благъ; но Онъ отъ всѣхъ въ тиши
Врагамъ благотворитъ, а къ добрымъ весь Онъ милость.
Я зрѣлъ Его вблизи — далекій отъ Него
Слуга, межъ малыхъ умаленный —
Теперь быть можетъ и ... навѣки удаленный;
Но каждый мигъ я каждаго того

Видѣнія, храню средь сердца моего —
И звукъ благихъ рѣчей сокрылъ благоговѣйно
Все, все о Немъ душѣ священно!

Величественный ликъ Его люблю хранить:
И въ хатѣ на стѣнахъ,
На табакеркѣ, на часахъ,
Вездѣ что мнѣ вѣщаетъ: жить!

И вотъ я, въ 1855 году, въ С. Петербургѣ, омраченномъ какъ и Москва и вся Россія, — и весь чувствующій міръ (выражаюсь отзывами чужестранныхъ журналовъ) смертію Безсмертнаго и для потомства. Скажутъ, что здѣсь въ С. Петербургѣ болѣе о немъ воспоминаній; но гдѣ ихъ менѣе? Если важнымъ страницамъ Исторіи о Немъ, будутъ нѣкогда сочувствовать еще и нынѣ нерожденные, что же чувствуютъ жившіе при Немъ?

Какъ мы съ тобой говорили, на другой же день пріѣзда моего сюда, я спѣшилъ въ крѣпость, упасть у гробницы Незабвеннаго въ моленіи о Немъ предъ Тѣмъ «кто нѣсть Богъ мертвыхъ, но живыхъ». — Въ каждый храмъ мы входимъ съ радостію упованія, но — при входѣ въ Петропавловскій Соборъ, первымъ чувствомъ сердца: скорбь, и она конечно безгрѣшна. Я вымолвилъ только: «гдѣ?» какъ одинъ изъ военныхъ нижнихъ чиновъ, находящихся постоянно въ Соборѣ, весьма учтиво въ молчаніи сдѣлалъ знакъ, чтобъ я за нимъ слѣдовалъ и, приведши къ рѣшеткѣ, окружающей гробницу, съ нѣкіимъ благоговѣніемъ къ Почіющему отворилъ дверцы. Къ чему увеличивать письмо, стараясь то выразить, что̀ ты читаешь въ моемъ сердцѣ, что̀ ты столько сама чувствуешь; отдамъ тебѣ только отчетъ въ выполненіи твоего

желанія: и за тебя я вторично повергнулся предъ Нимъ. — Гробница Великаго изъ Царей — символъ: Православной Вѣры, Благочестія и Смиренія; на ней Святая Икона съ Частію Древа Животворящаго Креста Господня, предъ Иконой свѣча въ серебряномъ подсвѣчникѣ. — Тутъ почіетъ: *Помазанный рабъ Божій,* даже надгробный покровъ, знаменующій Высочайшій на землѣ Санъ, покрытъ пеленою изъ черной ткани, бордюръ ея украшенъ цвѣтами; изъ нихъ же на возглавіи Его Вензеловое изображеніе, а въ нѣсколькихъ вазахъ живые, благоухающіе цвѣты орошаются слезами благодарныхъ подданныхъ. — Вставъ съ земли, я приложился къ Святой Иконѣ, къ священной для насъ гробницѣ; когда же обернулся, то встрѣтилъ на лицѣ военно-служителя храма, какъ видно, стоявшаго произвольно у рѣшетки, видъ при-

знательности и чего-то для него утѣшительнаго въ воздаваемомъ поклоненіи. Я ему сказалъ, что желалъ бы попросить отслужить панихиду. — «Извольте послать вашъ экипажъ», сказали другіе подошедшіе, «за Священникомъ въ домикъ Петра Великаго». Какъ въ этихъ простыхъ словахъ солдата, безъ особой мысли сказанныхъ, слились два Великихъ Имени! — подумалъ я, и пославъ моего человѣка съ каретою за Священникомъ, пошелъ поклониться вначалѣ Петру. Лишь только я дошелъ, какъ услышалъ межъ солдатами шепотъ: «Государь, Государь!» — Ты уже проникла въ мою душу, мой сердечный другъ, жена моя! Да, точно, я былъ весь не свой — или тутъ *весь былъ: Я*. Нельзя высказать сердца, но, ей Богу, некощунственно, кажется, можно выразиться: «Тѣлесенъ ли былъ я, или духъ?» Благоговѣніе къ Особѣ Царя, къ Его

священной скорби, дозволяло ли тутъ оставаться? Тѣмъ болѣе, что я не могъ быть укрытъ народомъ, ибо никого посторонняго не было, а глаза мои не могли отвестись отъ Него. Я сбросилъ, не помню куда, шинель и остановился у свѣщнаго ящика. Я зрѣлъ Царствующаго Повелителя моего колѣнопреклоненнаго предъ гробомъ Его Родителя. Бѣлый платокъ часто касался очей Его; не только я мыслилъ, — но я увѣренъ, что Ангелы Божіи собирали драгоцѣнныя слезы чистѣйшаго сердца. Конечно, еще бы долѣе молился Онъ тутъ, если бы попеченія о завѣщанной Ему обширнѣйшей въ свѣтѣ Имперіи не отзывали его отъ этого молитвеннаго утѣшенія къ великимъ трудамъ, на утѣшеніе вѣрныхъ Ему. Когда Императоръ возсталъ отъ молитвы, то посѣтилъ гробницы Другихъ близкихъ, утраченныхъ для здѣшней жизни.

Умилительно мнѣ было это видѣніе! Въ туманѣ слезъ, сквозь тучу, покрывшую мрачною скорбію все Царство, я зрѣлъ въ Немъ новое солнце оживляющее, грѣющее сердца. Государь вышелъ изъ Собора мимо меня близко. Скорбь, начертанная на прекрасномъ лицѣ Его сильно трогаетъ душу. Очень замѣтно, что Онъ похудѣлъ. Тутъ пріѣхавшій Священникъ совершилъ панніхиду и моя грѣшная молитва казалась мнѣ чище отъ видѣннаго мною. До конца дней моихъ, доколѣ Господь сохранитъ мнѣ память, я не забуду этого поклоненія 16-го числа Марта 1855 года, въ 3-мъ часу по полудни, въ Петропавловскомъ Соборѣ.

Свѣтло наше православіе; на Западѣ нѣтъ его, тамъ и темно! Богъ указалъ намъ на Царя, да чтимъ, да любимъ Его всѣмъ сердцемъ; Царю указалъ на насъ, и онъ ведетъ насъ своимъ бла-

гочестіемъ къ Богу. Какъ святъ завѣтъ Божій! Какъ силенъ Имъ нашъ союзъ! Сколь презрѣнны всякія конституціи!

О ты, Отечество драгое!
Родная Русь! въ тебѣ святое
Мы уложеніе хранимъ;
Но не на хартіяхъ тамъ тлѣннымъ
Начертано умомъ надменнымъ,
А на сердца списавъ, — святимъ.
Пусть буйные умы оттолѣ
Дерзнутъ спросить насъ: «гдѣ оно?»
Мы громко скажемъ: «на престолѣ
Господнемъ, ясно и полно̀!»
Евангеліе — книга жизни
Для здѣшней и для той дана
И соблюденью вручена
Царемъ Царей, Царю Отчизны!

Благословя Самодержавье,
Во образъ славы твоея,

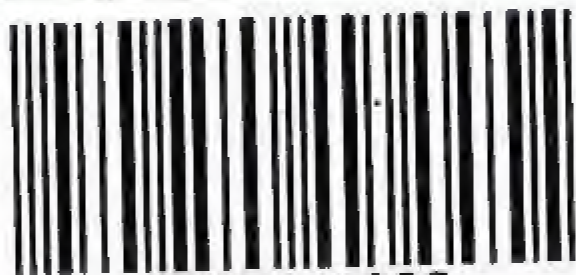
Паси, спаси насъ въ Православье
Подъ скиптромъ даннаго Царя.
О Боже! сильною десницей
Храни Того, Кто насъ хранитъ,
Да и чужимъ златой денницей
Отъ солнца правды Русь блеститъ!

Не сомнѣваюсь, что каждый Русскій такъ мыслитъ, такъ чувствуетъ по личной приверженности, по самой вѣрѣ; а кто вѣруетъ — тотъ вѣренъ.

Н. Кашинцовъ.

Печатать позволяется.
С. Петербургъ, 10 іюля 1857 г.
Ценсоръ П. Новосильскій.

Въ типографіи Императорской Академіи Наукъ.

2007111296